

Кувшова. - 1996. - 16 июля. - с. 4

Мальчишки пишут, как ни странно...

Михаил ВОЛОСТНОВ,
лауреат Международной
литературной премии
"Москва - Пенне"

Не так давно Владимир Максимова, писатель из Чебаркуля, рассказал мне, как принес ему в литературное объединение стихи мальчишка 12-13 лет. Отдавая, он попросил напечатать их под любым псевдонимом, только не под собственным именем. На вопрос, почему необходим начинающему поэту псевдоним, он ответил, что боится насмешек от сверстников, потому что стихи писать сейчас невыгодно.

Наверное, это нормально, когда мальчишка стесняется рассказывать про свои стихи: в них, первых, мечты его сокровенные. Только лучше другу, а скорее всего девочке, он мог бы отважиться показать их.

И очень даже нормально, когда побоялся бы он назваться во всеуслышание поэтом еще и потому, что для сверстников он все равно тот же "курносый", а поэт — это что-то высокое, и надо быть еще достойным называться так.

Действительно, надо быть семи пядей во лбу, чтобы состояться, выйти к читателям. Путь этот непредсказуем, и кто прошел через него, всячески пытается предостеречь ступивших. Бесполезно. Даже если мальчишке ни копейки не заплатят за стихи, а скорее всего их еще сто раз не напечатают, все равно он будет сочинять.

Хорошо еще, если где-то, как в Чебаркуле, на Урале, сохранилось литературное объединение, где могут собраться увлечен-

ные, где можно высказать какие-то свои соображения, понимание литературы. Большинство таких объединений в малых городах распалось из-за потери интереса, духовности, а в большей степени из-за того, что на них махнули рукой чиновники в управленческих аппаратах. И осталась надежда только на беззаветность. Долго ли на этом продержаться?

Во время стройки КамАЗа в Набережных Челнах организовалось очень сильное литературное объединение "Орфей". Многие ребята из него ушли учиться в Литературный институт. Собирались по средам человек до сорока, в самые такие веселые времена. Хватало там, как говорится, и дураков, и умных. Были споры, обсуждения рукописей, чтение стихов. Было какое-то постоянное движение, всегда приходили новые, самые настоящие молодые, лет по семнадцать. И вдруг в какой-то момент ничего этого не стало. "Орфей" распался, как источенная короедом древесина.

Темп жизни сменился, и сразу же сменилось мировоззрение каждого. В принципе, кто чем был, тот в то и оборотился. Смышленные и настойчивые занялись бизнесом, создали какие-то свои предприятия и добились в этом немалого успеха. Многие подались в экстрасенсы и прочие оккультисты. Я очень хорошо помню, когда прямо на глазах уже умирающий "Орфей" превратился в сборище колдунов и провидцев. Вчерашняя талантливая поэтесса сегодня изображает из себя чуть ли не дельфийскую пророчицу Пифию. Обсуждались теперь по средам не стиль, не красота языка и художественное достоинство произведения, но его магическое значение...

Но все же при литературе — в

газетах, например, ребята остались. Двое из моих товарищей редактируют в городском журнале "Армак" русский отдел. Есть в этом журнале рубрика "Детская гостиная", где с наивным удивлением входящие в мир сочинительства мальчишки и девчонки могут попытаться счастья быть напечатанными. И ребятки несут свои рукописи, написанные от руки, ученическим почерком, часто с ошибками. Один пацан умудрился даже написать что-то на подобие романа или повести. "Но... Детективный боевик, — с горечью поведал мне редактор отдела прозы Михаил Петров. — Скопировал детской ручонкой с какой-нибудь книги про вездесущих суперменов. Язык примитивный. В каждом диалоге: "Да пошел ты...", "Заткнись..." Сюжет прост: чем больше положительный герой перестреляет мерзких типов, тем интереснее, в понимании автора".

Так оно и есть. Так оно и будет, когда учишься писать не у классиков родной литературы, а по видеофильмам с "ужастиками" и

"эротикой". Он уверен, этот юный автор, что, если такие книги продают, фильмы такие показывают, значит, это искусство.

Каждый провинциальный писатель хоть раз в жизни да мечтал быть напечатанным в столичных журналах. Сейчас вместе со мной на Высших литературных курсах учатся в основном писатели из провинции. Все это уже достаточно взрослые люди. Когда-то каждый из них сидел в своем городке или поселке, впитывая окружающий быт и говор. И теперь мы, будто народные умельцы, разложили на ярмарке свои поделки. А уж возьмут ли, нет, зависит от того, как каждый сам постарался. Конечно же, любой поэт или писатель чувствует на себе определенную миссию творчества. И он ее несет. Единственная сейчас наша задача — сохранить живую речь свою. А для этого надо каждый день неутомимо повторять в памяти, как говорила мама, как тараторила тетюшка через дорогу или о чем разговаривали мужики у магазина, старики на завалинке. С приоб-

ретением образованности стать бы Мастером, а не просто народным умельцем.

Так хочется верить, что где-то сейчас в неизвестном отдалении сидит мальчик за столом и корпит над стихами, над сказками. И даже сам себе не представляет, в каком он выгодном, завидном положении. Вокруг него живой, божественный мир, над ним небо еще голубое. Но только жаль, что в доме, в красном углу, стоит телевизор и пытит, старается заглушить своим "просветлением" сознание мальчика. Хорошо, если мамка перед Пасхой выключит его, или отец, выпив вина, обматерит как следует и треснет кулаком сверху.

Трудно, очень трудно в наше время мальчику оторваться от сумасшедших мультфильмов и взять в руки хорошую, добрую книгу. И если это случится, то уже будет талант во спасение. Мальчишка, сам того не сознавая, пытливо вглядится в небо, в гладь озера, в лица людей; он пойдет в лес, не зная почему, и остановится там, притаив дыхание, слушая тишину. А потом придет домой, сядет за стол, пододвинет лист бумаги и возьмет в руки карандаш.

Мальчишки пишут, как ни странно, сочиняют свои детские стишочки и сказочки. Им ничем пессимистические выводы маститых литераторов, что русская литература закончилась. Они даже не помышляют пока о том поле, на которое когда-то выведет их судьба. И дай Бог, если к тому времени они будут уже хорошо подготовленными. А подготавливать их, хотим мы того или нет, придется нам, сорокалетним, входящим только-только в мир большой литературы.